

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОНЯТИЯ *ОТСУТСТВИЕ* В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Аннотация. Абстрактное понятие *отсутствие* не только обнаруживает ассоциативные связи и метафорические интерпретации в лингвальном аспекте, но и активно используется во всех гуманитарных науках, в которых наблюдается общность и дифференцирование в отношении понятия *отсутствие*. У литературоведов, философов, психологов и других представителей гуманитарных наук четко прослеживается корреляция понятий *отсутствие* и *пустота*.

Ключевые слова: понятия *отсутствие* и *пустота*, лингвистические, литературоведческие, философские понятия.

Понятие *отсутствие* принадлежит к таким феноменам, которые носят соотносительный характер и реализованы во всех гуманитарных и негуманитарных науках. Способы оперирования понятием *отсутствие* не совпадают, поскольку в каждом частном случае наблюдается трансформация абстрактного в конкретное. Также различны и инструментальные возможности терминологии разных научных дисциплин, поскольку унификации терминов пока нет ни в одной отрасли знаний.

Достаточно часто с помощью данного понятия поясняется семантическое наполнение понятий *пустота* и *отрицание*, что представлено в работах лингвистов. Например, Т.Н. Снитко определяет *пустоту* как отсутствие денотата и референта [7], Н.Р. Суродина, исследуя концепт ПУСТОТА, к числу парадигматических единиц лингвокультурологического поля *пустота* относит *отсутствие* [8].

Наша статья «Корреляция понятия *отсутствие* с понятиями *отрицание* и *пустота*» была посвящена рассмотрению языковых особенностей, с помощью которых данные абстрактные понятия репрезентируются. Нами была выдвинута гипотеза о том, что лексические средства выражения понятия *отсутствия* появились в силу семантической неполноты языковых прототипов *нет* и *без*, так как они не выражали субъективных нюансов, которые приобрели конкретные слова. Применив методику концептуального анализа языковых фактов, мы установили, что понятие *отсутствие* и понятия *отрицание* и *пустота* могут находиться на семантической оси переходности, а их корреляция будет зависеть от материальных репрезентантов [6].

Абстрактное понятие *отсутствие* не только обнаруживает ассоциативные сети и метафорические интерпретации в лингвальном аспекте, но и активно используется во всех гуманитарных науках. За счет этого происходит расширение синонимического ряда, в котором лексема *отсутствие* выступает доминантой. Все это свидетельствует об **актуальности исследования** данного понятия в междисциплинарном аспекте.

Целью статьи является рассмотрение обращений к понятию *отсутствие* литературоведов, философов, психологов и других гуманитариев; оперирование ими синонимическими понятиями для описания сущности человека как феномена, раскрытия проблем его бытия.

Объединение языкознания и литературоведения в одну комплексную науку филологию дает все основания обратить наше внимание, в первую очередь, на понимание данного термина литературоведами.

Проблема существования и отсутствия в литературоведении является, на наш взгляд, одной из ключевых и исследованной в разных аспектах. Использование в литературоведении приемов «незамеченности», литературной маски и стратегии умолчания при создании художественного образа непосредственно связано с понятием *отсутствие*.

В книге «Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы» автор, обращаясь к истории эмигрантской литературы 1920–1930-х гг., отмечает, что «это поколение легко исчезает из поля зрения, его история вполне может выстраиваться как последовательное удостоверение отсутствия: отсутствия живой и талантливой молодежи в эмиграции, отсутствия внятной идеологии

новой литературы, – вплоть до удостоверения пустоты, скрывающейся за фальшивым образом «молодого поколения». Но ситуация столь же легко переворачивается, становясь историей незамечания, недостаточно внимательного взгляда» [4, с. 83]. Характерно, что модель «незамеченного поколения», возникшая в условиях институционального кризиса, но высокого статуса национальной литературы, активно используется в 1990-е и 2000-е гг. для описания современных сюжетов. Например, размышлениям человека о сущности бытия посвящен роман А.В. Иличевского «Матисс», в котором социальные проблемы философски осмысливаются и находят воплощение в феномене *пустота*. Вербализация этого понятия имеет непосредственное отношение к понятию *отсутствие*. Понятие *пустота*, используемое в романе для описания физического и ментального пространства, имеет ярко выраженную негативную коннотацию. Авторы монографии «Пространство и время в романе А.В. Иличевского «Матисс»: лингвокогнитивный и стилистический аспекты» указывают, что «мотив пустоты особенно актуализировался в литературе XX ст., которое определяют как век научно-технической революции и одновременно как век жесточайшего кризиса гуманизма. Следствие этого кризиса – исчезновение чувства уверенности и надежности, возникновение чувства потерянности и внутренней опустошенности» [12, с. 49]. Данный мотив созвучен с описанием эмигрантской молодежи начала XX в., поскольку молодых литераторов в изгнании охватывают, по словам И. Каспе, те же чувства: «заброшенность», «опустошенность», «потерянность». Как следствие этого, указывает литературовед, «приходится с горечью констатировать ужасающее отсутствие талантливой и, главное, живой, ищущей молодежи» [4, с. 52]. И. Каспе, подводя итог своим размышлениям, пишет: «Таким образом, атрибутика литературной неудачи, сохраняя легкую ауру элитарности, в то же время распространяется на «целое поколение», а сама литература превращается в институт, который социализирует, мобилизует и производит «незамеченных» [4, с. 119]. Обращением к феномену *пустота* характеризуется прежде всего интеллигенция, люди искусства, высокообразованные личности, у которых происходит отсутствие реализации их амбиций и идеалов в реальной жизни.

В начале XX в. в русской литературе наблюдается разделение двух поколений поэтов, в основе которого было различное отношение к не-бытию и бытию. На страницах произведений поэтов-символистов А. Блока, К. Бальмонта, А. Белого раскрывается диалектика *пустоты*. Для них *не-существование* было превыше всего, реальностью для них являлось «отсутствие всего, за исключением отсутствия пустоты» [3]. Поворот к бытию прослеживается на страницах произведений поэтов-акмеистов Н. Гумилева и О. Мандельштама. Их художественно-философские искания, напротив, связаны с мотивом заполнения пустого пространства.

Свою версию неугасаемого интереса к феномену *пустота* с философских и психологических позиций излагает литературовед М.Ю. Гаврилкина: «Чувство потерянности в мироздании, неполноты существования, катастрофичности и бессмысленного тупика поселилось в человеке с утратой Абсолюта, в отторжении от которого дитя цивилизации приняло непосредственное участие. Это поместило человека по другую сторону зеркала: он перестал иметь отношение к совершенным творениям Бога, перестал отражать Его благодать, понимать и оценивать себя через его ценностные ориентиры. Исчезновение абсолютной Истины, согласовывающей весь миропорядок, активизирует в культуре понятие «Пустота». Мир остался без Бога, человек остался один на один с неоформленной вселенной, которой необходимо всякий раз заново задавать координаты смысла, а сама жизнь превратилась в испытание пустотой» [2]. Для славянской ментальности испытание *пустотой*, преодоление и заполнение *пустоты* является не только важным проявлением самореализации личности, но и ответом на вечный шекспировский вопрос «Быть или не быть?».

Роман В. Пелевина «Чапаев и Пустота» построен на символическом понимании пустоты, которая является сквозным мотивом всего произведения. Этот роман является настолько обсуждаемым в литературной критике, что объяснение этому мы видим в том, что в нем сосредоточено понимание *пустоты* от простого обыденного сознания до глубоко философского, заложенного в древней культуре и религии.

В теологии и теософии понимание пустоты неодинаково и не идентично в разных культурах и традициях. Например, в буддизме понятие пустоты связано с состоянием нирваны, которое является синонимичным понятиям *ничто*, *никто* и *нигде*, т. е. полному отсутствию всего. Человек, находящийся в таком психофизическом состоянии, предстает как бессущное существо.

Проводимые параллели и художественная интерпретация *пустоты* В. Пелевиным позволяют сделать вывод о том, что данное понятие является значимым как для славянской, так и для восточной ментальности, рассмотрение его как отсутствующей основы существования человека сближает отдаленные культуры и этносы.

Украинский литературовед Ф.М. Штейнбук в исследовании произведений современной мировой литературы выделяет микротопосы *боли, страдания, чувственности, наслаждения, желания, мышления, свободы, отсутствия* и др. В резюме к разделу, посвященному топосу *отсутствие*, ученый пишет о том, что «анализ разворачивания, бытования и конвергенции топоса *отсутствие* в произведениях современной литературы позволяет прийти к выводам о том, что этот топос характеризуется, с одной стороны, многоуровневой и поливалентной структурой и содержанием, а с другой – существенным продуктивным диалектическим и творческим потенциалом» (перевод наш – О. Р.) [11, с. 80]. Обращает внимание тот факт, что топос *отсутствие* представлен в большинстве анализируемых романов, среди которых «Любовница» Я. Вишневого, «Т» В. Пелевина, «1Q84» Х. Мураками, «Музей невинности» О. Памука, «Возможность острова» М. Уэльбека, «Такое» Ю. Издрика, «Коллекция пристрастий...» Н. Сняданко, «Другое тело» М. Павича. Авторы романов, по мнению Ф.М. Штейнбука, используют различные способы и возможности репрезентации топоса *отсутствие*, «однако парадокс заключается, собственно, в том, что коррелят отсутствия актуализируется исключительно при условии присутствия, которое возможно как присутствие телесное» (перевод наш – О. Р.) [11, с. 65–66]. Топос *отсутствие* может быть уже заложен в названии романа, создании вымышленных персонажей, существовании параллельных миров, различных метаморфозах исчезновения и перевоплощения, иногда данный топос представлен как локус сна или смерти, в каждом отдельном случае он имманентный и соотносится с мировосприятием самого автора, его эстетическими идеалами.

Эстетические понятия, сформулированные философами и положенные в основу человеческого бытия, активно влияющие на человеческое сознание, изначально являются противоречивыми по своей сути. Современный польский философ В. Татаркевич, анализируя историю шести фундаментальных понятий эстетики, пишет: «Различались и различаются (как в философии, так и в обыденном мышлении) два вида бытия: то, что является частью природы, и то, что создал человек. Такое различие еще в древности ввели греки, разграничив то, что происходит из природы (*fysei*), и то, что происходит от искусства, или из человеческих произведений (*nomo, thesei*)» [9, с. 8]. Одна из основных категорий эстетики – категория прекрасного. Прекрасными могут быть как естественные пейзажи природы, так и пейзажи – произведения художников-живописцев. Отсутствие прекрасного в жизни человека, неумение видеть и создавать прекрасное приводит к внутренней опустошенности.

Общеизвестно, что познание мира происходит одновременно и с помощью разума, и с помощью чувств, что разделило философов на рационалистов и сенсуалистов. У каждого человека постоянно происходит стремление к «золотой середине», «уравновешиванию» разумного и эмоционального. Неуверенность в правильности выбора нередко приводит к пустоте (по Сартру) или экзистенциальному вакууму (по Франклу).

Современный психолог А.Ю. Большанин в статье «Пустота и экзистенциальный вакуум: перспективы экзистенциальной терапии» сравнивает эти два понятия и приходит к заключению о том, что «согласно Сартру, мы свободны лишь в выборе средств и способов заполнения имеющейся пустоты, но избавиться от нее мы не в силах, равно как и не виновны в ее появлении, поскольку пустота есть основа нашего бытия, а сами мы оказываемся заброшенными некими силами в эту пустоту» [1]. Такое понимание пустоты, которое не зависит от человеческой деятельности, а воспринимается человеком как данность и, в конечном счете, безысходность, безвыходность, замкнутость, отличается от понятия экзистенциального вакуума по Франклу, акцентирующем внимание на том, что все зависит от человека, его воли, его желания что-то изменить и вырваться из этой пустоты.

Философ Ж. Липовецки в работе «Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме» пытается дать объяснение модели существования человека в современном социуме. Мир, в котором живет индивид, постоянно и быстро меняется, приспособиться к внешним условиям жизни, выживать человеку очень непросто. Отсутствие стабильности приводит к переоценке духовных ценностей, материальное все чаще выдвигается на первый план, и, как следствие этого, происходит массовое опустошение, безразличие и апатия, нередко приводящие человека к суициду.

Хотя, как утверждают психологи, собственно пустоты нет, ее не существует, она только ощущается. Ощущение пустоты возникает из-за отсутствия мотивации в достижении целей, связанных либо с проблемами на работе, либо с личной жизнью человека, отсутствием увлечений. Всем украинцам известны слова «Погано, що порожні храми, ще гірше – пустота в серцях», приписываемые разным авторам. У человека, способного любить, пустота в сердце отсутствует, и такой человек придет в храм, чтобы поставить свечку за здоровье ближнего и попросить в молитве мира, добра и благополучия для всех своих близких.

Немецкий философ и психоаналитик Э. Фромм рассматривает любовь как разрешение проблемы человеческого существования. Исследуя вопросы психической сферы жизни человека в книге «Искусство любить», Э. Фромм приходит к заключению о том, что «глубочайшую потребность человека составляет потребность преодолеть свою отделенность, покинуть тюрьму своего одиночества» [10, с. 41]. Чувство любви помогает человеку преодолеть изоляцию и наполнить пустоту положительными эмоциями, которые являются стимулом жить во имя кого-то или чего-то. В любви заложена созидательная сила, стремление дать, а не взять. Поэтому проблема пустоты, опустошенности, отсутствие мотиваций может быть разрешена только самостоятельно, каждым человеком внутри самого себя.

Данной проблеме посвящены известные работы по философии экзистенциализма и психологии «Психика, структура и функционирование» З. Фрейда, «Бытие и ничто» Ж. Сартра, «Ницше и пустота» М. Хайдегера, а также размышления в книге «Между вещью и пустотой» М.Ю. Лотмана и Ю.М. Лотмана. Психологическое переживание пустоты, ее миромоделирующее значение в жизни человека отражено в разных аспектах в философии и психологии, однако так и не приведено к единому знаменателю. В словах Г. Иванова «Прожиты тысячелетия в черной пустоте. И не прочь бы умереть я, Если бы не «те» из стихотворения «Смилостивилась погода» подчеркивается, что проблемы бессмысленности существования, отсутствия смысла человеческого бытия возникли в уме человека с тех пор, как он превратился в *homo sapiens*. Однако этот вопрос является актуальным, поскольку человек как феномен настолько уникален, что его развитие во многом опережает время, а не расставляет точки над I.

Таким образом, в гуманитарных науках наблюдается общность и дифференцирование в отношении понятия *отсутствие*, четко прослеживается корреляция понятий *отсутствие* и *пустота*. Кристаллизация научных взглядов сосредоточена на человеке как социальном, психическом, биологическом феномене, познающем окружающий мир и восполняющем все ниши отсутствия, которые возникают у него на пути к самореализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большанин А.Ю. Пустота и экзистенциальный вакуум: перспективы экзистенциальной терапии. *Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия*. 2009. № 14.
2. Гаврилкина М.Ю. Концепция пустоты в романе О. Славниковой : дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2013. 176 с.
3. Дерина Н.В., Севастьянова В.С. Преодоление «ПУСТОТЫ» в русской литературе 1910-х годов (Н. Гумилева, О. Мандельштам). *Вестник Челябинского государственного университета, Филология. Искусствоведение*. 2014. Вып. 91. № 16 (345). С. 33–35.
4. Каспэ И.М. Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. Москва : Новое литературное обозрение, 2005. 192 с.
5. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. Изд-во «Владимир Даль», 2001. 336 с.
6. Радчук О.В. Лексико-грамматическая корреляция абстрактных понятий (отсутствие – отрицание – пустота). *Studia methodologica / Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University, Jan Kochanowski University in Kielce*. 2015. Issue 41. P. 17–23.
7. Снитко Т.Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах. Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 1999. 159 с.
8. Суродина Н.Р. Лингвокультурологическое поле концепта пустота (на материале поэтического языка московских концептуалистов) : дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 190 с.
9. Татаркевич В. Історія шести понять: Мистецтво. Прекрасне. Форма. Творчість. Відтворництво. Естет. переживання / пер. з пол. В. Корнієнка. Київ : «Юніверс», 2001. 368 с.
10. Фромм Э. Искусство любить. Москва : АСТ. 2009. 224 с.
11. Штейнбук Ф.М. Конвергенція тілесних мікропосів у сучасній світовій літературі : монографія. Київ : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2014. 248 с.
12. Юйин Лю, Соколова Т.И. Пространство и время в романе А.В. Иличевского «Матисс»: лингвокогнитивный и стилистический аспекты. Киев : «Українське видавництво», 2012. 158 с.

О.В. Радчук. Дослідження поняття «відсутність» у гуманітарних науках. – Стаття.

Анотація. Абстрактне поняття відсутність не лише виявляє асоціативні зв'язки та метафоричні інтерпретації в лінгвальному аспекті, а й активно використовується в усіх гуманітарних науках, у яких спостерігається спільність і диференціювання щодо поняття відсутність. У літературознавців, філософів, психологів та інших представників гуманітарних наук чітко простежується кореляція понять відсутність і пустота.

Ключові слова: поняття відсутність і пустота, лінгвістичні, літературознавства, філософські, поняття.

O. Radchuk. Research into the notion absence in humanities. – Article.

Summary. Abstract notion absence has associations and metaphoric interpretations not just in a lingual aspect but is actively used in all humanities which are both similar and different in reference to the notion absence. With literary critics, philosophers, psychologists and representatives of some arts a certain correlation between the notions absence and emptiness is clearly traced.

Key words: notions absence and emptiness, linguistic, literary, philosophic, notions.

УДК 811.161.2:81.373.72:070

В.Р. Розумна

старший викладач кафедри української мови
Державний університет телекомунікацій,
м. Київ, Україна

КОМБІНОВАНІ ПЕРЕТВОРЕННЯ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ НОВОГО ЗАПОВІТУ В МОВІ УКРАЇНСЬКИХ НЕРЕЛІГІЙНИХ ДРУКОВАНИХ ЗАСОБІВ МАСОВОЇ ІНФОРМАЦІЇ

Анотація. У статті проаналізовано комбіновані перетворення біблійних фразеологізмів української мови, зокрема новозавітизмів, у текстах нерелігійних друкованих засобів масової інформації; звернено увагу на роль трансформацій фразеологізмів Нового Заповіту в мові нерелігійної преси.

Ключові слова: біблійні фразеологізми, біблеїзми, новозавітні фразеологізми, новозавітизми, трансформація фразеологізмів, нерелігійні друковані ЗМІ.

Постановка проблеми. Фразеологія відіграє важливу роль у складному процесі людського мислення та світовідчуття. Вона є джерелом глибокого пізнання матеріального життя суспільства, поглядів і суспільної практики народу.

До складу фразеології входять біблеїзми – словосполучення, цитати (речення) або слова достеменно встановленого біблійного походження. Вони не є самостійною групою, яка живе за своїми законами та правилами. Навпаки, вони взаємопов'язані з мовною системою, відчують її зміни та своєрідно реагують на них. Біблійна фразеологія є невід'ємною частиною українського національного світогляду, тому в процесі функціонування зазнає впливів і трансформацій, що відображають особливості українського колориту та характеру.

Популярність Біблії та звертання до біблійних текстів підвищили активність використання біблеїзмів у художніх і публіцистичних текстах, що й зумовило актуальність нашого дослідження. Явище перетворення саме фразеологізмів Нового Заповіту, на жаль, достеменно не вивчене, унаслідок чого виникають певні труднощі в процесі їхнього дослідження.

Мета статті – проаналізувати комбіновані перетворення біблійних фразеологізмів української мови, зокрема новозавітизмів, у текстах нерелігійних друкованих ЗМІ, з'ясувати роль трансформацій фразеологізмів Нового Заповіту в мові нерелігійної преси.

Явище трансформації фразеологічних одиниць у художньому мовленні вже тривалий час привертає увагу дослідників. Різні аспекти функціонування та перетворення фразеологізмів у текстах засобів масової комунікації розглядають С.П. Коновець [9], Н.Г. Скиба [14]. У працях Н.А. Голубевої [4], А.О. Савенко [12] висвітлено функції фразеологізмів у контексті прецедентності. Явища трансформації фразеологічних зворотів у художньому тексті широко проаналізовано в дисертаційній роботі Л.Б. Давиденко [7]. Про символічність фразеологізмів християнського походження, їхні зміни та трансформації внаслідок переосмислення реципієнта зазначає Л.І. Шевченко [16].

У сучасній науковій літературі для характеристики трансформації фразеологічних одиниць використовуються різні терміни: фразеологічні видозміни, перетворення, модифікації, дефразеологізація. Поняття фразеологічної трансформації також по-різному тлумачиться мовознавцями. Т.С. Гусейнова стверджує, що будь-яке відхилення від загальноприйнятої норми, закріплене в лінгвістичній літературі,